

Министерство культуры Российской Федерации
Пермский государственный институт культуры

ДИАЛОГИ О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ
Материалы XIV Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)

(Пермь, 23-25 октября 2024 г.)

В 2 томах

Том 2

Пермь
2024

УДК 008:7
ББК 71+85 (2Рос-4Пер)
Л 63

Ответственный редактор:

Тюленева Н. И.

Редакционная коллегия:

Мальцев К.А., Мамаева Е.И., Ширинкин П.С.

Диалоги о культуре и искусстве: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 23-25 октября 2024 г.). В 2 томах: том 2 / отв. ред. Н.И. Тюленева; ред. кол.: К.А. Мальцев, Е.И. Мамаева, П.С. Ширинкин; Пермский государственный институт культуры. – Пермь: ПГИК, 2024. – 550 с.

Стилизация авторов сохранена.

ISBN 978-5-91201-462-8
ISBN 978-5-91201-464-2 (2 том)

УДК 008:7
ББК 71+85 (2Рос-4Пер)

© Пермский государственный
институт культуры, 2024

Марков А.В.

Markov A.V.

**ГАСПАРОВ О БАХТИНЕ: ПОЭТИКА АНТИНОМИЙ
И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ**

**GASPAROV ON BAKHTIN: POETICS OF ANTINOMIES AND CURRENT
DIGITAL METHODS**

*Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>*

Аннотация. М. Л. Гаспаров оспаривал диалогизм М. М. Бахтина как произвольное философское допущение. Применение к тексту Гаспарова современных информационных технологий, с опорой на различие Гаспаровым формального и функционального тезауруса, показывает, что он рассматривал творчество Бахтина не как провокацию, но как новое развитие антиномий символизма. Сказанное на уровне грамматических отношений противоречит некоторым прямым публицистическим декларациям. Исследование с применением возможностей искусственного интеллекта показывает, как Гаспаров, создавший оригинальную концепцию антиномий русского символизма, не просто усвоил, но творчески применил эти антиномии.

Annotation. Mikhail Gasparov challenged Mikhail Bakhtin's dialogism as an arbitrary philosophical assumption. Applying current informational technologies to Gasparov's text, relying on Gasparov's distinction between formal and functional thesaurus, indicates that he regarded Bakhtin's work not as a means of provocation, but as a new development of the antinomies of Symbolism. What he said at the level of grammatical ratios is at odds with some direct publicist declarations. A study using the artificial intelligence capabilities illustrates how Gasparov, who had developed an original concept of the antinomies of Russian Symbolism, did not simply internalize, but creatively applied these antinomies.

Ключевые слова: антиномия, серебряный век, тезаурус, цифровая обработка текста, искусственный интеллект, Бахтин, Гаспаров

Keywords: antinomy, silver age, thesaurus, digital text processing, artificial intelligence, Bakhtin, Gasparov

М. Л. Гаспаров был, вероятно, наиболее принципиальным и последовательным критиком М. М. Бахтина. Прежде всего, для него не была приемлема идея диалогизма: он видел в ней не призыв к договоренностям, миру или признанию другого, но напротив, авангардный пафос непосредственного действия, прагматику воздействия на окружающую реальность, в том числе — на реальность Другого. Благодаря такому воздействию Другой переживает радикальное преобразование и позволяет самим своим телом и волей производить все преобразования действительности. Понятия о Другом, диалоге, хронотопе и гротескном теле сливались для Гаспарова в единое понятие, близкое авангардному проекту

преобразования природы, космоса и социальной жизни, путем чистой инструментализации другого, превращение его в функцию от априорных диалогических отношений.

Статья «М. М. Бахтин в культуре XX века» [Гаспаров, 1997, с. 494–496] вышла в малотиражном тартуском сборнике в 1979 году, но вызвала большой резонанс, как мнимый знак расставания структуралистов с подходом Бахтина; хотя прежде и Лотман, и московские семиотики говорили о Бахтине исключительно почтительно. О. А. Седакова, отклик которой М. Л. Гаспаров назвал «самым полезным дополнением» [там же, с. 496], в позиции Гаспарова увидела полемику против (по имени ей не названного) В. В. Кожина и его антиструктуралистской интерпретации Бахтина [Седакова, 1992, с. 115]. Но финальный аккорд статьи всё расставляет по местам: творчество Бахтина было романом, а не эпосом, постоянным разрывом с традицией, постоянным изобретательством.

Но что именно понимал Гаспаров под романом, это надо выяснить, учитывая, что в поздней статье о Бахтине [Гаспаров, 2004, с. 10] он видит роман как некоторую *руину*, постоянные зияющие утраты текста и обвалы строгой стратегии выстраивания текста, заполняемые фантазией автора и читателя. Роман возникает там, где нужно додумывать, достраивать, воображать, и так же Бахтин, говорит Гаспаров, воображает мировую литературу, достраивая те жанры, которые ему нужны, и проходя мимо тех жанровых форм, которые его не интересуют.

Упоминание романа ставит вопрос о семиотической антиномии *смысла и значения*. Ведь если считать, что Бахтин адекватно передает поэтику романа, то есть руинированным методом выявляет руинированную сущность романа, то тогда он вскрывает значения романа, а смыслом наделяет только свой текст. Тогда как если считать, что Бахтин реконструирует роман конструктивным авангардным языком, тогда он делает прагматическим смысл романа, а его теория романа состоит из условных, указывающих на роман значений. Эта антиномия тогда не разрешается, а только удваивается в критике Гаспаровым Бахтина. Мы покажем, что на самом деле Гаспаров продуктивно работает с этой антиномией, для чего нам надо будет опереться на две его статьи.

В статье об антиномичности поэтики русского символизма [Гаспаров, 1997, с. 434–456] в непрерывном развитии русской символистской поэзии раскрывается антиномизм двойной, в чём-то напоминающий «четверицу» (das Geviert) Хайдеггера [Хайдеггер, 1997]: это антиномизм *парнасизма* и *декадентства* и антиномизм *формализма* и *мистицизма*. Это заставляет сразу вспомнить формулу Хайдеггера «небо и земля, боги и люди», — только Гаспаров подчеркивает, что и хронологически, и мировоззренчески русский символизм начинается с земного и людского, с

пафоса формы, а не мистики младших символистов, и с увлечения французскими проклятыми поэтами. Эту четверицу невозможно упростить, нет ничего общего между движением Брюсова к нормам французского Парнаса и движением Андрея Белого к неписаным нормам капризной мистики. Вячеславу Иванову в этой статье Гаспаров предъявляет те же претензии, что и Бахтину: конструктивизм, однозначность, нигилистическое отношение к традиции (только в случае Иванова романтическое, а не авангардное), и это характерный ход, требующий отдельных пояснений.

В статье о формальном и функциональном тезаурусе [Гаспаров, 1997, с. 416–433] Гаспаров разрабатывает тот метод, который мы и применим к статье 1979 года о Бахтине. Согласно Гаспарову, есть два способа составления тезаурусов. Формальный тезаурус просто учитывает частотность отдельных слов, то есть *значения*, а не *смыслы*, не считаясь с тем, что в поэзии большая часть смыслов контекстуальны и следуют даже не из ближайшего контекста, а из общих представлений поэта о мире, то есть из смысла: тень в разных стихотворениях и тем более у разных поэтов будет чем-то разным, и никогда это не будет просто оптическое явление, как потребовал бы квалифицировать тень формальный тезаурус. Функциональный тезаурус, напротив, исходит из смежности, которая и приоткрывает смысл, скажем, «тень прошлого» будет отнесена к переживанию времени, а «тень друга» — к этике дружбы. Оба тезауруса имеют в виду частотные показатели, но дают различные выводы. Гаспаров утверждает, что формальный тезаурус не позволяет реконструировать исходный текст, тогда как функциональный тезаурус создает что-то вроде усредненного стихотворения изучаемого поэта.

Мы применили эту же методику к статье Бахтина, ограничившись местоимениями первых трех школьных разрядов, просто потому что та проблематика, которую видят в Бахтине Гаспаров и Седакова, это проблематика местоимений, прежде всего, личных местоимений «я», «он». Она не сводима к значениям местоимений, но может быть реконструирована из смысла местоимений, мы получим усредненный текст Бахтина. Мы предполагаем, что, мысленно составляя *формальный тезаурус* в ходе работы над статьей, перебирая значения местоимений как указания и инструкции Бахтина, Гаспаров отверг Бахтина как авангардиста, но функциональный тезаурус в его статье вписал Бахтина в общий дух антиномизма русского символизма.

Формальный тезаурус статьи Гаспарова (в скобках число употреблений)

Личные местоимения: я (6) + меня (2), ты (1), он она оно (17), мы (2), вы (0), они (8, включая 1 «их» как косвенный падеж).

Возвратные: себя (6, из них три в форме «себе»).

Притяжательные: мой (0), твой (0), наш (1), ваш (0), его (7), её (1), их (4), свой (9).

Формальный тезаурус выстраивает эгоцентрическую картину мира: я соотносится с миром объектов, которые имеют свои свойства. Но эти свойства мы не можем утверждать как личные, но только как безличные характеристики. Критика Гаспаровым Бахтина как мыслителя-конструктивиста, рассматривающего традицию как форму и материал, как «оно» с его свойствами, и просто творчески опирающегося на эти свойства, в отличие от менее творческих формалистов, полностью подтверждается этим формальным тезаурусом, он и дает кратчайший конспект статьи, если понимать ее как антибахтинскую.

Для составления функционального тезауруса использовалась градация речи, с опорой на особое понимание Бахтиным несобственной прямой речи как преодолевающей одновременно односторонний субъективизм и односторонний объективизм в философии языка [Бахтин, 1993, с. 153]. Именно эти речевые стратегии и окрашивают местоимения, различая их смыслы, идет ли речь, например, о субъекте речи, о субъекте мысли или о субъекте социального опыта.

Цитата из Бахтина (Гаспаров прямо цитирует Бахтина) они (1)

Цитата общая (в кавычках стоит цитата, как бы мог думать Бахтин, Гаспаров сочиняет за него формулы) я (3 + 1 меня), они (1) (Переживать это чувство «и я — носитель культуры!» можно двояко: «и я способен творить, а не только снизу смотреть на творцов!» — это Бахтин (с его культом деятельной спорящей мысли); «и я способен воздействовать на других, а не только чтобы они воздействовали на меня!» — это формалисты (с их культом строящей словесной технологии)

Цитата + скобки (цитата из Бахтина имеет поясняющий смысл для речи Гаспарова) свой (1, «иерархизировать чужие языки в своем сознании»)

Скобки (Гаспаров уточняет свою мысль или мысль Бахтина) он (2) (про Бахтина, при этом в скобках стоит много указательных и относительных местоимений)

Несобственно-прямая речь (Гаспаров пересказывает Бахтина) я (2) («я приступаю к творчеству» — Гаспаров реконструирует мысль Бахтина), его (1), они (5), свой (1) («Задача творчества [по Бахтину] — выложить свою мысль из чужих унаследованных слов»)

Прямая речь (Гаспаров прямо критикует Бахтина) свой (1), себя (3, включая «сами по себе»), он она оно (12), ты (1).

Условная речь Бахтина/современника Бахтина/бахтиниста как прямая речь другого для Гаспарова: я (1 + 1 меня), она (2): «а вдруг не я ее, а она меня подчинит себе».

Несобственно-прямая речь этого современника: они (1) «это и смирение выслушивания чужих голо-сов (чтобы понять врага) перед тем, как их переломить».

Последние два пункта — это те высказывания, которые Бахтину не могут принадлежать филологически, не могли бы быть ему приписаны как слова или мысли на основании филологических аргументов, но разделяются современником/свидетелем/единомышленником Бахтина.

Обвинение Бахтину тут другое, что в его мире много «они», что он как и все авангардисты 1920-х годов, в широком смысле, включая формалистов и Выготского, воюет на множество фронтов, и при этом обращается к себе на ты. Тогда как филолог — это человек, который смотрит на себя, обретает своё, а не чужое слово, благодаря особому признанию дружности другого, того, что каждый он, или она, или оно. Но на уровне действительной или мнимой цитаты Бахтин антиномичен стилистически: он говорит о них и о своём их, но при этом всякий раз утверждает своё конструирующее я, хочет быть эмпатичным проклятым поэтом на словах, но в своей мысли оказывается парнасцем, создающим безупречную оптику, некоторую гладкую форму видения всего происходящего. А на уровне несобственно-прямой речи он по намерению хочет быть формалистом вроде старших символистов, с эгоцентризмом и отношением ко всему как миру вещей, но для условных свидетелей-современников становится своеобразной мистикой: подчинение и смирение — слова из мистического, а не формалистского лексикона.

В позднейшей работе [Гаспаров, 2004] Гаспаров уже говорит, что Бахтин создаёт реконструкцию руин как реконструкцию отсутствующего. Бахтин не собирает из чужого слова конструкцию, но смотрит на зияния в этой конструкции. То есть здесь гаспаровский Бахтин напоминает уже не раннего Деррида, с его деконструкцией как пересборкой смысла на основании какого-то слова или нюанса слова, а позднего Деррида с его культом руин, хонтологией и прочей феноменологией отсутствия. Для Гаспарова, опасливо относившегося к деконструкции, существен был опыт его постоянной собеседницы Н. С. Автономовой [Автономова 2011]. Отчасти такой переход мог быть не только результатом знакомства с эволюцией Деррида, но и ответом Седаковой: она реконструирует теоретический маршрут Бахтина, по сути, как страх перед диффамацией со стороны Другого, из-за чего исчезает хор, остается скандал, а потом только юродство карнавала, попытка хотя бы шутовским притворством противостоять доносу [Седакова, 1992]. Именно поэтому у Бахтина, согласно Седаковой, исчезает символистская мистика хора и остается одиночество гонимого мыслителя. Слово «донос» опять же не употреблено, как и имя Кожинова, это отсутствующая переменная, но которая и собирает смысл всей критики, точнее, превращает формальное

обличение Бахтина в функциональное его оправдание. Формально, на основании местоимений «я» и «он» Бахтин оказывается в реконструкции Седаковой односторонним конструктивистом, но функционально он предстает носителем тех антиномий культуры, которые противоположны доносительству. Гаспаров и вскрыл эти антиномии, и в поздней статье показал, как Бахтин стремится увеличить степень свободы в своем одиночестве, обращаясь к мифологеме руин, важной для аргументации позднего Деррида.

Список источников

1. Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с.
2. Бахтин М. М. / Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.
3. Гаспаров М. Л. Избранные труды, том II. О стихах. М.: «Языки русской культуры», 1997. 604 с.
4. Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Международной научной конференции, Москва, 10–11 ноября 2004 года / Редактор-составитель: С.И. Кормилов. М.: МГУ, 2004. С. 8–10.
5. Седакова О. А. М. М. Бахтин — еще с одной стороны // Новый круг. 1992. № 1. С. 115–117.
6. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. В. В. Биbihина. СПб.: Наука, 2007. С. 437–451.